

«МГ» продолжает публиковать автобиографические очерки жителя немецкого Ганновера Якова Фарбера, заслуженного врача РФ, известного организатора здравоохранения, хирурга, писателя, журналиста и краеведа, основателя музея истории медицины в Тамбове и победителя Литературного конкурса им. М.А.Булгакова «МГ» 2011 г. Предыдущие очерки были связаны с пресловутым «делом врачей» и медицинской практикой в 50-е годы прошлого века. Сегодня – особая для Якова Иосифовича публикация...

«Курица» с тёмным мясом

Прошло полтора года моей трудовой деятельности в Бычковской больнице. По-прежнему я был единственным хирургом в районе, и, безусловно, нагрузка была запредельной, но ощущение усталости я испытывал не столько от работы, сколько от неустраиваемого быта. Завтраки и ужины делал себе сам, а обеды поручилась готовить мне санитарка из операционной Ариша. Справлялась она с этим неплохо, но случившийся однажды эпизод заставил меня отказаться от её услуг. Дело было летом 1953 г. Мне позвонили из санитарной авиации и сказали, что к нам прилетит Иезекиль Моисеевич Берлин, мой опекун и наставник по специальности. Он уже не был главным хирургом и заведующим хирургическим отделением. После освобождения от хирургических должностей «отец тамбовской хирургии» не сидел ни одного дня без дела. Он без промедления стал организовывать первое в области травматологическое отделение, а ко мне приезжал для выявления детей, нуждающихся в ортопедических операциях. Но это, как он потом сказал, был предлог, а истинная цель приезда – посмотреть, как «обретается в глухомани его подопечный».

Чтобы достойно встретить уважаемого хирурга, я вызвал Аришу и дал ей задание: купить курицу в Хреновке или в Мордовке и пожарить её с картошкой, а в больничном магазинчике приобрести

Далёкое – близкое

Девушка по имени Лия

какого-нибудь вина. После обхода в стационаре и выборочного осмотра больных в поликлинике мы спустились вниз, в мою комнатушку. Гость беспрестанно восторгался вкусными угощениями и интересовался, из каких продуктов и как приготовлено то или иное блюдо. Когда дошла очередь до жаркого, Иезекиль Моисеевич захотел узнать, каков исходный продукт этого блюда, и когда я ему сказал, что это обыкновенная жареная курица, он усомнился в моей компетентности, и сказал:

– Очень вкусная птичка, но я сильно сомневаюсь, что это курица, уж очень у неё тёмное мясо. Что-то ты, любезнейший путаешь.

Чтобы доказать свою правоту и убедить своего учителя в его неосведомлённости, я решил позвать Аришу, расспросить её и поставить точку в нашем споре. И вскоре я сильно пожалел, что вызвал нашу «кормилицу», потому как получился полный конфуз. Я спросил ее:

– Ариша, ты что приготовила на второе?

Она испуганно отвечает:

– Ну, то, что вы заказывали. А что, невкусно?

– Да нет, напротив, очень вкусно. Только что-то курица уж очень странная, почему мясо у неё такое тёмное?

– Да это не курица, а утка.

– Как утка? Я ж тебя просил курицу купить!

– А я штоль курицу догоню?

– Что значит догоню?.. Так ты что, украли эту утку?!

– А у ей много утей. Она, поди, их и не считает.

– Вот сегодня пойдешь и считаешься за утку! Назовёшь мне фамилию хозяйки, и я тоже пойду к ней извиняться.

Я думал, что сгорю от стыда, а мой гость всё это время молчал, но когда Ариша ушла, он дал

волю чувствам – смеялся аж до слёз и всё время повторял: «Бесподобно!»

Путешествие из Сибири в Тамбов

Этот эпизод и ещё ряд других обстоятельств, заставили меня задуматься над серьёзной проблемой: продолжать оставаться мне в бобылях или обрести семейный очаг и радоваться жизни в кругу близких и милых моему сердцу людей. На исходе лета 1953 г. я твёрдо решил покончить с холостяцкой жизнью и написал письмо в Новосибирск знакомой девушке с предложением выйти за меня. Честно говоря, я не очень рассчитывал на положительный ответ, ведь со времени нашей встречи в столице прошло три с лишним года, да и виделись-то тогда мы всего три дня. В том далёком 50-м году мне показалось, что само совершенство случайно залетело на квартиру к своему московскому двоюродному дедушке, чтобы вот так взять и поразить моё воображение.

О чём-то серьёзном мы тогда думать не могли, ведь Лия – так звали красавицу из Сибири – училась на 2-м курсе Новосибирского медицинского института, и ей было 19 лет, а мне уже 21 год, и я был студентом 4-го курса 2-го Московского медицинского института. Мы расстались, не виделись много времени и вот в тамбовской глухомани в один прекрасный вечер как будто кто-то дал мне «по темечку» и голос свыше прошептал: ты что сидишь, ведь Лия оканчивает институт, ты думаешь, она будет сидеть и ждать тебя? И ведь точно, один её коллега, окончив Новосибирский медицинский институт и получив направление на Дальний Восток, сделал ей официальное предложение.

Она попросила время на раздумье, и тут как раз подоспело моё письмо...

Оглядываясь на события тех дней, невольно начинаешь думать, что браки действительно свершаются на небесах. Судите сами: выдеслись всего три дня, потом не общались три года с лишним, нас отделяли друг от друга четыре тысячи километров...

Казалось бы, ничто не давало оснований... Но какая-то неведомая сила потянула нас друг к другу. Лия ответила согласием на моё предложение и отправилась к своему суженому, то есть ко мне, преодолевая огромное расстояние. Впоследствии я ей говорил, что она совершила подвиг, подобный жёнам декабристов.

Что меня поразило и одновременно порадовало, что моя невеста не искала себе в мужья заморского принца и, будучи типичной горожанкой, согласилась жить в глухой деревушке и вкушать вместе со мной все «прелести» деревенской жизни. Это, знаете ли, надо иметь большое мужество, чтобы вот

так разом лишиться возможности посещать театры и концерты, жить без электричества и, естественно, без холодильника, «с удобствами во дворе». Конечно, это не был порыв романтически настроенной девочки. После нашей свадьбы мы прожили в селе 6 долгих лет, и ни разу я не слышал от моей жёнушки жалобы на неустраиваемый быт и другие тяготы сельской жизни. Более того, мы оба считали время, прожитое в селе, лучшими годами нашей жизни.

Лия, окончивая институт, твёрдо решила стать хирургом и стала им, пройдя субординатуру по этой специальности в одной из хирургических клиник. Но так как второй ставки хирурга в Бычке не нашлось, мы были вынуждены покинуть этот благословенный край.

Попытка устроиться в Тамбове также была неудачной, вернее удачной наполовину: заведующий хирургическим отделением доктор Люцидарский предоставлял мне ставку ординатора, но Лию в городе не оставляли, несмотря на то, что через два месяца мы ждали рождения первенца. Перспектива жить в двухкомнатной квартирке вместе с родителями нас совсем не прельщала, и когда нам было предложено отправиться в районную больницу, расположенную на железнодорожной станции, мы восприняли это как подарок судьбы и с готовностью согласились.

Итак, впереди у нас было ещё 6 лет сельской жизни, но это уже совсем другие годы. Прекрасное, интересное время, которое заслуживает отдельного повествования.

НА СНИМКЕ: Лия Романовна Фарбер в 1954 г.

Имена и судьбы

Самой первой в истории женщиной-врачом, вероятно, следует считать Песечет, которая практиковала в столице Древнего Египта Мемфисе в III тысячелетии до н.э.

В Средневековье к систематическому изучению медицины наши коллеги впервые приступили лишь в XI и XII веках, в Салернском университете. В дальнейшем его эстафету приняли Неаполитанский и Болонский университеты, в которых нередко женщины выступали в роли профессоров. Так, например, в XV веке в Болонье были профессорами Доротей Букка, а в XVIII веке там же — Лаура Басси, Анна Моранди Манцолини и др.

И всё-таки до второй половины XIX столетия число женщин-врачей было крайне ограничено. Первой женщиной-врачом на Американском континенте считается англичанка Элизабет Блэкуэлл, которая переехала с семьёй в США, когда ей было всего 11 лет. Ей пришлось преодолевать невероятные преграды, чтобы получить медицинское образование и степень доктора медицины. Она подавала заявления в 29 университетов, где был медицинский факультет, но всюду

Они были первыми

Стремление стать врачом заставляло женщин преодолевать жёсткие барьеры

получала категорический отказ. В 1847 г. студенты медицинского факультета Университета в Женеве (штат Нью-Йорк) решили подшутить над своим деканом и устроили так, что Элизабет была принята – под видом мужчины. Она, однако, отнеслась к этой шутке вполне серьёзно и 4 годами позже блестяще окончила курс. Потом она некоторое время училась в Европе и вернулась в Нью-Йорк, чтобы начать там карьеру врача. И снова все двери были закрыты перед ней: ни одна больница не желала иметь в своём штате врача-женщину. Тогда Элизабет Блэкуэлл решила открыть собственную клинику, и в 1857 г. основала нью-йоркскую клинику для малоимущих женщин и детей. Мало того, её крохотная больница обслуживалась только женщинами! В период гражданской войны она занималась подготовкой медсестёр для армии северян. А позднее, когда её заслуги были общепризнаны,

она основала медицинские колледжи для женщин в Нью-Йорке и Лондоне. Оттуда вышло много славных последовательниц Элизабет Блэкуэлл, в том числе её сестра Эмили.

Кстати, в 1848 г. в США было организовано Общество женского медицинского образования, открывшее женскую медицинскую школу в Бостоне, которая, впрочем, влачила жалкое существование до 1874 г., когда была присоединена к бостонскому университету. В 1850 г., благодаря энергии квакерши Анны Престон были собраны средства для открытия филаделфийского женского колледжа.

В 1860-е годы женщинам был открыт доступ в швейцарские университеты, вслед за тем – во Францию и некоторых других странах.

В Российской империи двери университетов для женщин также были закрыты. Только в Медико-хирургической академии некото-

рые профессора (И.М.Сеченов, С.П.Боткин) разрешили в 1862 г. трём женщинам, в том числе первой русской женщине-врачу Надежде Прокофьевне Сусловой, посещать их лекции. Однако в 1863 г. правительство запретило женщинам учёбу и в академии.

Родившаяся 1 сентября 1843 г. в семье получивших «вольную» крепостных, Н.П.Суслова уехала в Швейцарию, где в виде исключения была принята на медицинский факультет Цюрихского университета, который блестяще окончила в 1867 г. Вскоре она успешно защитила диссертацию, выполненную под руководством и при самой непосредственной помощи Ивана Михайловича Сеченова.

Вместе со своим мужем Ф.Ф.Эрисманом (впоследствии известным гигиенистом, нашедшим в России вторую родину) в 1868 г. Сулова приезжает в Петербург. По российским законам женщина не могла получить зва-

ние доктора медицины. А лица, удостоенные его в зарубежных университетах, держали специальные экзамены. Медицинская комиссия под председательством профессора Боткина дала Сусловой право на врачебную практику в России. Но предстояло ещё доказать, что женщина может заниматься врачеванием, в чём сомневались многие мужчины-медики того времени.

Вся последующая врачебная деятельность Н.Сусловой в Петербурге, Нижнем Новгороде опровергла эти сомнения. Переехав в 1892 г. на жительство в Крым, Надежда Прокофьевна много занимается благотворительной деятельностью. Свои медицинские инструменты, лекарства, библиотеку после смерти (1918 г.) она завещала лечебным учреждениям.

То уважение, которое снискала Сулова, сломало барьер, преграждавший женщинам путь в медицину. В 1872 г. в Петербурге открылись первые Женские врачебные курсы, просуществовавшие 14 лет. И лишь в 1897 г. был открыт Петербургский женский медицинский институт.

Геннадий НИКОЛОВ.